

Е. В. СОКОЛОВА

РОМАН А. И. ЭРТЕЛЯ «ГАРДЕНИНЫ...»

(особенности метода и жанра)

«Гарденины, их дворян, приверженцы и враги» — вершина творчества демократа-просветителя А. И. Эртеля (1855—1908). В нем, по справедливому заключению многих писателей и критиков, отражена самая сущность эпохи «безвременья» — 80-х годов XIX века. А. А. Фадеев, прочитав этот роман, заметил: «Прекрасная книга. Почти вся пореформенная Россия дана в разрезе»¹.

Роман «Гарденины...» — произведение обобщающее. Работая над ним, писатель стремился изобразить «тот период общественного сознания, когда перерождаются понятия, видоизменяются верования, когда новые формы общественной могущественно двигают рост критического отношения к жизни, когда пускает ростки иное мировоззрение, почти противоположное первоначальному. И рядом с этим мне хотелось изобразить свободное и независимое от внешних форм общественности течение мысли, провиденциальное тяготение человека к свету...»²

В романе редко встречаются эпизоды, где действия персонажей в какой-то мере изменяют ход событий. На первом плане в нем такие события и ситуации, которые, как правило, принуждают их смириться с действительностью. Отсюда и то, что, наряду с сугубо типичными для определенного сословия персонажами, в романе то и дело возникают ситуации, когда в духовной жизни людей проявляются противоречия между сословным и исконно человеческим началами и когда вследствие этих противоречий они занимают (или вынуждены занять) позицию, явно не соответствующую их положению в обществе. Такого рода явления, связанные в романе с образами купца Еферова, толстовца Ивана Федотыча, Элиз Гардениной и других, характерные для «переходных» эпох, Горький называл «выламливанием» людей из своего класса.

В процессе художественной реализации замысла романа определилось и своеобразие его формы, во многом отличной от форм социальных и социально-психологических романов И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. «Гарденины...» — это роман-хроника. Но и в этом жанре он не похож на то, что уже известно в литературе. События развиваются в нем совсем не так, как в семейных или усадьбных хрониках С. Т. Аксакова, Н. С. Лескова или романах-хрониках М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина», хотя в последнем улавливается нечто подобное роману Эртеля: оба их можно отнести к бытовым хроникам.

В большом по объему и многоплановом романе Эртеля характер хроники определяется, главным образом, необходимостью чередований и периодического возвращения к уже качественно новым чередованиям картин, сцен, фрагментов, связанных с изменяющимися обстоятельствами жизни. По мере расширения рамок повествования, введения новых персонажей в сюжетном развитии действия романа появляются небольшие очерки об особенностях этих персонажей в настоящем и прошлом.

Много места в произведении занимает история конного завода Гардениных, которая соответствует определенным этапам возвышения и упадка дворянского рода.

Роман «Гарденины...» отвечает почти всем основным требованиям жанра, каким он сложился к середине XIX века, включая и тот важнейший жанровый признак, о котором М. Бахтин писал так: «Одной из основных внутренних тем романа является именно тема неадекватности герою его судьбы и его положения. Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности. Он не может стать весь и до конца чиновником, помещиком, купцом, женихом, ревнивцем, отцом и т. п. В нем всегда остаются нереализованные потенции и неосуществленные требования...»³ Основные персонажи романа «Гарденины...», связанные с его общей «внутренней темой», в таком именно состоянии и изображаются.

Хотя внешне действие романа ограничено более-менее четкими временными рамками (начало действия — февраль 1871 года, окончание — середина 80-х), экскурсы в прошлое рода Гардениных и ряда наиболее важных персонажей, как и данные эпилога, наводят на размышления о том, что в произведении изображена целая историческая эпоха в многообразном развитии жизни. Некоторые из таких экскурсов слабо связаны с сюжетными линиями романа. История возвышения, например, умного, расчетливого и до крайности подлого купца Мальчикова, восходящая к пятидесятым годам, связана с сюжетом романа только покупкой у Гардениных конного завода, что, по замыслу автора, должно иллюстрировать смену хозяев жизни. Чрезмерно велик также экскурс в прошлое помещика Цыгана, далекий предок которого был до дикости жестоким помещиком-крепостником и развратником, заселившим своими побочными детьми целую деревню. Эти истории представляют собой нечто похожее на вставные новеллы, необходимые для создания определенного исторического фона.

Образная система романа очень сложная. В нем не так уж много действующих лиц, проходящих через все произведение, зато очень много лиц эпизодических, появляющихся по мере надобности для освещения различных сторон действительности, углубления характеристик главных героев. Показ образа жизни барыни Гардениной, например, сопровождается перечислением множества мелких забот и обязанностей барской дворни — экономов и экономок, гувернеров и гувернанток, дворецких и дворников, кучеров и выездных, горничных, повара и других. Весь этот «мелкий люд» вместе с сотнями подневольных крестьян обеспечивал роду Гардениных безмятежную жизнь, начиная с того самого момента, когда их общий предок бригадир Юрий Гарденин бог весть за какие заслуги получил от своей матушки Екатерины дар в виде обширных земель в Воронежской, Орловской, Нижегородской и других губерниях.

Жизненные невзгоды, подрывавшие устои барства, обходили Гардениных стороной. Так случилось, что Татьяна Ивановна и после отмены крепостного права распоряжалась своими слугами и крестьянами как ей хотелось, а те настолько привыкли к своему рабскому положению, настолько оказались экономически зависимыми, что не могли даже вообразить себя свободными. И тем более неожиданным и потому именно потрясающим для барыни и фанатически приверженных ей слуг явился поступок ее собственной дочери Элиз, принявшей сердечное участие в судьбе потерявшей себя женщины «низкого» сословия.

Любовные интриги в романе Эртеля даны эскизно и в такой мере, в какой это необходимо для определения социальной значимости интимных, семейных или родственных взаимоотношений людей. Короче говоря, в романе все подчинено основной его задаче — раскрытию сущности экономических и общественно-политических проблем своего времени. В решении этой задачи писатель проявляет исключительную компетентность и большое мастерство.

В романе «Гарденины...» чрезвычайно трудно определить позицию автора по отношению к изображаемому. Повествование ведется так и с таким расчетом, чтобы картины и явления, изображенные в нем, говорили сами за себя. Оценки поступков или взаимоотношений действующих лиц, какие они дают друг другу, не вызывают особого доверия, так как в романе нет такого лица, поведение и образ мыслей которого были бы идеальными. Наиболее острые сюжетные ситуации произведения пропускаются через восприятие его центрального героя Николая Рахманного, но и его оценки сомнительны, так как часто подвергаются весьма основательной и убедительной критике со стороны других действующих лиц. Касаясь этой особенности романа, Эртель писал: «...Рахманные отнюдь не красны... не ищите в «Гард.» воплощения идеалов. Этого там нет. Я просто старался описать наличную действительность с ее идейными течениями, с тем, хотя и смутным, но несомненно существующим стрем-

лением к правде, которая животворит нашу деревенскую нищету, заботность и невежество... Идеал мой не в Николае и не в других персонажах романа, а в том, что ... «все-таки вертится!..»⁴

Жизненная позиция Николая Рахманного вызывает особый интерес: это ведь, в сущности, позиция самого Эртеля, самостоятельно пробивавшегося, говоря его же словами, «к свету, прогрессу». Читатели, знающие жизненный путь писателя, легко улавливают в романе как элементы автобиографического, так и вымысла. Николай учился у самой жизни. Грамотой овладел самостоятельно, на хуторе у тетки и, будучи любознательным от природы, жадно читал все, что попадало в руки, писал по-детски наивные стихи в духе А. В. Кольцова. В дальнейшем ему довелось общаться с дворовыми, крестьянами, попами, купцами, чиновниками, сектантами и даже с людьми, выбившимися из колеи жизни. Формирование взглядов Николая Рахманного происходит в фокусе идеологических противоречий основных сословий общества — разлагающегося дворянства, поднимающей голову буржуазии и расслаивающегося, деформирующегося в своей социальной структуре народа, что дополняется обстоятельным описанием сектантского движения и истолкованием его социальной значимости. Что касается чиновников, священников, «беглых людей», то они в романе эпизодичны, но нужны главным образом для полноты картины социальной структуры эпохи и для отражения различных сторон жизни, каждая из которых имеет какое-то отношение к веяниям переходного времени.

Критический пафос романа в сочетании с его высокими художественными достоинствами позволяет поставить его в один ряд с выдающимися произведениями русского критического реализма. Эртель нарочито подчеркивает связь своего романа с прогрессивной литературой, теми произведениями, которые так или иначе способствовали утверждению высоких нравственных принципов и развитию освободительного движения в стране. Уже в первой главе романа изображение будней петербургской жизни потомственных дворян Гардениных перекликается с мотивами «петербургских» произведений И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова.

Важнейшей особенностью романа «Гарденины...» является его энциклопедичность, широта и многогранность охвата жизни русской пореформенной деревни. Вымысел, заложенный в самой природе художественного творчества, ничуть не мешает Эртелю почти с научной достоверностью раскрыть не только экономические основы сельского хозяйства своего времени, но и показать быт, нравы, образ жизни людей, образ их мыслей, чувств, их верования, предрассудки, одежду, язык.

И как ни старался он в своих письмах и отдельных заметках, посвященных особенностям замысла произведения, выставить на первый план те новые веяния, какие проникали в духовную жизнь современного ему общества, все же на первом плане в нем самый процесс мучительно медленного преобразования помещичьего хозяйства в хозяйство буржуазного типа. И именно в этом исторически обусловленном процессе проявляются характеры и приверженцев, и врагов Гардениных.

Сюжетные функции действующих лиц романа весьма и весьма сложные. В кругу приверженцев дворянской семьи Гардениных особое место принадлежит бывшим крепостным Фелицате Никоновне и Агею Дымкину. Они выступают в романе жертвами крепостнических отношений. Но судьбы их вряд ли можно назвать трагическими, так как гибель того возвышенного, что, несомненно, было в их любви, не вызывает в душе читателя сострадания. Их любовь угасла еще до внешнего проявления, без какого бы то ни было конфликта. В отличие от них, рядовых барских слуг, конюший Капитон Аверьянович обладает большим природным умом, нравственной силой и обостренным чувством человеческого достоинства. Беда, однако, в том, что все ценные качества этой незаурядной личности направлены на активную защиту уклада жизни, обреченного на скорую гибель. Образ его глубоко трагичен. Сцены столкновений

Капитона Аверьяныча с сыном Ефремом едва ли не самые драматичные в произведении. В них отражены наиболее острые противоречия духовной жизни переходной эпохи.

В тесной связи с сюжетной линией Капитона Аверьяныча и Ефрема развивается основная линия романа — барского управляющего Мартина Лукьяныча Рахманного и его сына Николая. В основе ее тоже противоречия между новым и старым, но проявляются они без острых конфликтов. Мартин Лукьяныч, будучи активным защитником дворянских интересов по долгу службы, а не в силу личных убеждений, с этих позиций порицает сына за вольнодумство. Противоречия между отцом и сыном так и остались неразрешенными. В семье Рахманых происходило, в сущности, то, что было характерным для всей переходной эпохи. Это последнее и обусловило композиционное единство сюжетных линий отца и сына Рахманых и Капитона Аверьяныча с сыном.

Сопоставляя обе сюжетные линии романа, автор показывает, что отцы и по своему положению в обществе, и по убеждениям были более близкими, чем их дети. Николай и Ефрем относились друг к другу с уважением, и это понятно: оба они вышли из среды людей, находившихся на службе у дворян, и оба перешли в стан их противников. Но в отличие от Ефрема, убеждения которого складывались в условиях жизни больших городов, в среде революционного народничества, а может быть, и под влиянием учения Маркса, Николаю пришлось учиться у самой жизни. Поэтому в будущем в условиях активного общественного движения (назревание народной революции) Николай Рахманый, человек, безусловно, честный, остро реагирующий на бедствия народа, может оступиться, но не откажется от поисков народного счастья.

Роман «Гарденины...» был очень популярен у современников. Высоко оценил его Л. Н. Толстой. «Прекрасно, широко, верно, благородно», — писал он⁵. Толстой отмечал также превосходное знание автором народной жизни и особенно восхищался «удивительным по верности, красоте, разнообразию и силе народным языком» Эртеля.

¹ Фадеев А. А. За тридцать лет. 1957. С. 857.

² Эртель А. И. Письма. М., 1909. С. 174.

³ Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 424.

⁴ Эртель А. Архив государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Ф. 349, д. № 4, ед. хр. 24, л. 24, 25.

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 149.

Р. Е. ЛАПУШИН

К ВОПРОСУ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ А. П. ЧЕХОВА

Среди неосуществленных замыслов А. П. Чехова — пьеса о царе Соломоне. Сохранился лишь небольшой отрывок ее — монолог Соломона¹. Уже отмечалась одна его особенность: более позднее, эллинистическое настроение царя Чехов переносит в то время, когда Соломон строил храм². Для чего понадобилось писателю такое временное смещение? «Очевидно, — пишет Э. А. Полоцкая, — Чехов намеревался показать истоки духовной драмы Соломона еще в годы его могущества»³. Но только ли в этом дело?

В монологе речь идет о смысле жизни, точнее, о невозможности утвердить этот смысл перед лицом общей и неизбежной для всего живого участи. «К чему это утро? К чему из-за храма выходит солнце и золотит пальмы? К чему красота жен? И куда торопится эта птица, какой смысл в ее полете, если она сама, ее птенцы и то место, куда она спешит, подобно мне должны стать прахом?» (17, 194). Сама сущность жизни, ее тайна и «непросветленность» («О, как темна жизнь!») мучают Соломона.